

Когда был Ленин маленьким (1985)

I

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был тогда инспектором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из простого звания, рано лишился отца и лишь при помощи старшего брата с трудом получил образование...

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача; большую часть юности она провела в деревне, где крестьяне очень любили ее. Она была хорошей музыканткой, хорошо знала музыку и языки — французский, немецкий, английский...

*А. И. Ульянова «Детские и школьные годы Ильича»,
Детгиз, 1947, с. 4.*

Я часто думаю о том, как... Право странно представить это... Но ведь это было!
Ведь иначе бы он не смог родиться.
И, значит, хоть смириться с этим разум никак не может, но для появления его, для написания «Что делать?» и «Трех источников марксизма», для «Авроры», для плана ГОЭЛРО, для лунохода, и для атомохода — для всего! — сперматозоид должен был проникнуть

---

* *Тимур Юрьевич Кибиров* (наст. фамилия — Запоев; р. 1955) — осетинец по происхождению, поэт, переводчик. Один из ярких представителей «московского концептуализма». Лауреат премии «Поэт» (2008), Премии Правительства РФ в области культуры (2011) и премии «Большая книга» (2020).

(хотя б один!) в детородящий орган
Марии Александровны... Как странно...
Я представляю домик их в Симбирске.
Год 69-й. Синий сумрак.
Инспектор в кабинете. Свет уютный
настойной лампы освещает лоб
сократовский. Перо скребет бумагу...
Но тут из отдаленных комнат тихо
мелодия внезапно зазвучала —
такой безмерной нежностью, такую
небесной, вечной, женственною грустью...
И сладкая мечтательность сковала
мозг деятельный. И рука застыла
не дописав... Он лампу потушил.
Встал и пошел на цыпочках...
В гостиной,
не зажигая света, за роялем
сидела Марья Александровна... Невольно
залюбовавшись стройным и печальным
на фоне окон женским силуэтом,
Илья в дверях замешкался... Минуты
летели. И мелодия росла
тоскою и любовью несказанной,
и обещаньем счастья, и рыданьем...
И наконец он кашлянул.
«Ой, милый!
Ах, как ты напугал меня!» — «Мария! —
от нежности охрипшим басом начал
инспектор, — Поздно! Спать пора, Мария!»
И было что-то в голосе его,
что Марья Александровна зарделась.
«Ах, милый, что ты...» — «Машенька, пойдем!
Пойдем, ведь поздно, ну пойдем, Масюся!» ...
Я думаю, она была фригидной.
Или почти фригидною, и пламень
инспекторский делила поневоле,
не сразу, а потом уже, обвив
руками нежными и нежными ногами
могучий торс инспектора училищ,
Ильи, Илюшечки, Илюшечки... Илюши!!

II

Ходить он начал одновременно с сестрой Олей, которая была на полтора года моложе его. Она начала ходить очень рано и как-то незаметно для окружающих. Володя, наоборот, выучился ходить поздно, и если сестренка его падала неслышно — «шлепалась», по выражению няни, — и поднималась, упираясь обеими ручонками в пол, самостоятельно, то он хлопался обязательно головой и поднимал отчаянный рев на весь дом. Вероятно, голова его перевешивала. Все сбегались к нему, и мать боялась, что он серьезно разобьет себе голову или будет дурачком. А знакомые, жившие на нижнем этаже, говорили, что они всегда слышат, как Володя головой об пол хлопается. «И мы говорим: либо очень умный, либо очень глупый он у них вырастет».

А. И. Ульянова «Детские и школьные годы Ильича»: Детгиз, 1947, с. 4–5*.

Читатель мой! Я, право, и не знаю,
что тут сказать... Конечно, можно б было...
Но лучше не пытаться. Ум евклидов
напрасно тщится размотать клубок
причинно-следственной неумолимой связи.
Не будем же гадать! Склонимся молча
пред тайнами великими, пред странной
игрою сил надмирных...

III

Игрушками он мало играл, больше ломал их. Так как мы, старшие, старались его от этого удержать, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в подарок от няни запряженную в сани тройку лошадей из патье-маше, куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой. Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отвалились одна за другой.

А. И. Ульянова «Детские и школьные годы Ильича»: Детгиз, 1947, с. 6.

---

* К сожалению, уже в издании 1962 года этот замечательный пассаж отсутствует. — Авт.

Ах, Годунов-Чердынцев, полюбуйся,
с какой базарною настойчивостью Муза
Истории Российской предлагает
сестрице неразборчивой своей,
столь падкой на дешевку Каллиопе,
свои аляповатые поделки:
Эх, тройка, птица-тройка! Кто тебя
такую выдумал? Куда ты мчалась, тройка?
То смехом заливался колокольчик,
то плачем, и ревел разбойный ветер,
шарахались и в страхе столбенели
языки чуждые, и кнут свистел, играя!
А немец-перец-колбаса с линейкой
логарифмической смотрел в окно вагона
недоуменно... Эх ты, птица-тройка!
Куда ж неслась ты, Господи спаси?
И не было ответа. И не будет
уже. Кудрявый мальчик яснолобый
последнюю откручивает ножку.
Нет, мы пойдем другим путем!... Как странно...
Не лучше ль было ехать в пироскафе?
Иль в пароходе? — в чистом поле, все быстрее,
чтоб ликовал народ и веселился весь...

IV

Любил маленький Володя ловить птичек, ставил с товарищами на них ловушки. В клетке у него был как-то, помню, реполов. Не знаю, поймал он его, купил или кто-нибудь подарил ему, помню только, что жил реполов недолго, стал скучен, нахохлился и умер. Не знаю уж отчего это случилось: был ли Володя виноват в том, что забывал кормить птичку или нет. Помню только, что кто-то упрекал его в этом, и помню серьезное, сосредоточенное выражение, с которым он поглядел на мертвого реполова, а потом сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать». И больше он, действительно, не держал их.

*А. И. Ульянова «Детские и школьные годы Ильича»:
Детгиз, 1947, с. 18.*

Лети же в сонм теней, малютка-реполов,
куда слепая ласточка вернулась,
туда, где вьются голуби Киприды,
где Лесбии воробышек, где Сокол

израненный приветствует полет
братишки Буревестника, где страшный
убитый альбатрос сурово мстит
английскому матросу, где в отместку
французские матросы на другом
таком же альбатросе отыгрались,
где чайку дробью дачник уложил,
где соловей над розой, где снегирь
заводит песнь военну, где и чибис
уже поет юннатам у дороги,
и где на ветке скворушка, где ворон
то к ворону летит, то в час полночный
к безумному Эдгару, где меж небом
и русскою землею льется пенье,
где хочут жить цыпленки, где слышать
малиновки ты сможешь голосок,
где безымянной птичке дал свободу,
храня обычай старины певец,
где ряба курочка, где вьется Альциона
над батюшковским парусом, где свищет
во тьме ночей и ропщет Филомела,
и где слепая ласточка, слепая...
Лети туда, малютка реполов!
Ты заслужил бессмертие. Лети же!

V

Бегал он и рыбу ловить на Свяягу (речка в Симбирске), и один его товарищ рассказывает о следующем случае. Предложил им кто-то из ребят ловить рыбу в большой, наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, склонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, — рассказывает этот товарищ, — если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю».

А. И. Ульянова «Детские и школьные годы Ильича»: Детгиз, 1947, с. 19.

Рука Рабочего Отечества спасла.
Что там ни говори эсдэки, а без роли
такой вот личности в истории все было б
иначе. Ведь уже б была готова
Россия-мать на рельсы соскользнуть

буржуйские — и так бы и пошла!
По плоскости наклонной, так сказать,
по этому порочному пути
сопротивленья наименьшего. Искала б
себе, наверное, легкие пути
и загнивала б. Ах, как загнивала б!
И до сих пор бы ели ананас
и рябчиков жевали бы, и вряд ли
когда-либо прорыли б Беломор.
И с проституцией навряд ли совладали б.
И безнаказанно бы жил себе Кровавый
царь Николай с супругой и детьми!
А ум, и честь, и совесть продолжали б
томиться в Шушенском! И наш Серафимович
глумленью подвергался бы циничных,
растленных модернистов, и, ей-богу,
пришлось бы Евтушенко выступать в одесских кабаках...
Подумать страшно!
А вот еще о чем подумать страшно,
но интересно — если б не Рабочий
из ила вытащил его, а, предположим,
Мужик, мужик Марей или Платон,
А вдруг бы полюбил он, наш Ильич,
смирномудрые и богоносность люда
сермяжного? И опростился б он,
и в нищем виде исходил бы он Россию,
благословляя? Ах, как это странно...
Или представь, что там Купчина ражий
в бобровой шапке проходил бы? Или стройный
какой-нибудь Корнет? Или в тужурке
студенческой какой-нибудь Сынок
Поповский? Словом, кто-нибудь из этих,
из своры псов и палачей? И стал бы
тогда бы наш Володинька кадетом.
И не был бы весны цветеньем он,
победы кличем... Ах, как это странно,
как странно это все, если подумать...

В. КИРИЛЛОВ*

Траурный марш (1924)

Песен моих кумачовое пламя,
В чёрный огонь перелейся, и встань
Там, у одра его, скорбное знамя!
Сердце, траурный марш барабань!

Чёрной тревоги сегодня не скроем —
Это умолк мировой набат,
Осиротевшим, рыдающим строим
Выйдем к нему на последний парад.

Полчищ народных любовное море
Гроб твой поднимет — багряный челнок.
Дум величавых бессмертные зори
Смерть не загасит, не скроет песок...

Вот оно — крепкое красное племя
Верных, вскормлённых тобою орлят.
Звёздною конницей движется время,
Красные птицы в небе парят.

Гроб отдадим мы, но знамя не сменим!
Пусть же узнает и друг наш, и враг:
В битвах грядущих не дрогнут колени,
Ленина сердце — наш пламенный стяг!

---

* Владимир Тимофеевич Кириллов (1890–1937) — русский советский поэт, представитель так называемой «пролетарской поэзии».